

ПИСЬМО К. С. АКСАКОВА КЪ КНЯЗЮ В. А. ЧЕРКАСКОМУ.

(о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ).

(Августъ 1859).

Хотя ко многому сталъ я равнодушень¹⁾, но не къ рѣшенію участи Русскаго народа, которое совершается теперь въ Петербургѣ. и вотъ почему считаю я необходимымъ написать вамъ, князь. и высказать вамъ совершенно откровенно мои мысли.

Когда дѣло идетъ о большемъ или меньшемъ надѣлѣ землею, о цѣнности усадебъ, я, во первыхъ, въ этомъ дѣлѣ мало понимаю, во вторыхъ, это не такъ еще важно. Но когда дѣло дошло до души Русскаго народа, до его жизненнаго общиннаго начала, до міра, до сходки, то я, сколько нибудь разумѣя это дѣло, не могу молчать.

Я прочелъ докладъ административнаго отдѣленія № 5 и пришелъ въ ужасъ. Духъ жизни Русскаго народа преслѣдуется въ послѣднемъ его убѣжищѣ отъ государства. Когда разнеслась вѣсть объ эмансипаціи, я писалъ Хомякову, что кому принесетъ она положительную пользу. такъ это помѣщикамъ: за нихъ можно было положительно радоваться и поздравлять ихъ съ избавленіемъ отъ безобразнаго и безнравственнаго ихъ права²⁾; но что касается до крестьянъ, то здѣсь надежда на лучшее казалась мнѣ не вполне вѣрною. Помѣщичья власть въ нѣкоторой части имѣній барщинскихъ и въ имѣніяхъ чисто-оброчныхъ вообще служила для крестьянъ какъ бы стекляннымъ колпакомъ, избавлявшимъ ихъ отъ государственной регламентаціи, отъ *наружнаго административнаго благоустройства*. Подъ защитою этихъ стеклянныхъ колпаковъ жила жизнь нашего народа во всей самобытности своихъ

¹⁾ Въ это время К. С. Аксаковъ поглощенъ былъ скорбію по скончавшемся отцѣ своемъ и у него началась уже чахотка, которая въ слѣдующемъ году свела его въ могилу. П. Б.

²⁾ Тоже самое говорилъ Герцену Д. Н. Свербеевъ, антагонистъ К. С. Аксакова. (См. статью его о кончинѣ Герцена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 года). П. Б.

началь, при отсутствіи той чуждой нашему духу *опредѣленности*, которая равняется *ограниченности* и уродуетъ живое, изнутри образующее себя начало. Здѣсь-то, въ оброчныхъ имѣніяхъ Ярославской губерніи, на примѣръ, являлся міръ не Киселевскій, не устроенный какимъ нибудь господиномъ, ничего не разумѣющимъ въ дѣлѣ Русской жизни, міръ, самъ себя составляющій, самъ себя опредѣляющій, съ своимъ единогласіемъ и съ своею окончательною верховностью. Когда же эмансипаціею, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ богопротивнаго помѣщичьяго права, будутъ разбиты эти, по мѣстамъ встрѣчающіяся, крышки, подъ которыми спасалось начало Русской жизни, Русской общины (не Киселевской), я боялся, чтобы государственность учреждений не легла всею гнѣтомъ на бѣдныхъ крестьянъ. Но вотъ вызваны были въ Петербургъ вы и Самаринъ. Вы засѣдаете въ административномъ отдѣленіи. Можно было думать, что Русскій народъ въ васъ найдетъ хоть какую нибудь защиту. Явился докладъ административнаго отдѣленія № 5-й: *о сходахъ*, подписанный вами, а вы еще, какъ слышно въ Москвѣ, на товарищеской вашей имѣете вліяніе. Чтоже видимъ мы въ этомъ докладѣ?

Ни болѣе, ни менѣе, какъ совершенное нарушеніе всей сущности Русскаго общиннаго начала, полнѣйшее истязаніе міра, уничтоженіе самобытной, общественной свободы Русскаго народа и предоставленіе ему, на чужой образецъ составленнаго подобія, *гражданскихъ* общественныхъ правъ. Самостоятельность, жизнь, принципъ, все выкидывается вонъ, и чтожъ остается? Чисто механическое, совершенно бесполезное существованіе уже не общества, а извѣстнаго множества людей.

Вы представляете себѣ опредѣлить: *когда міръ есть міръ?* Первый поп сепс*) и первая дерзость противъ народа. *Когда міръ признаётъ себя міромъ, тогда онъ и міръ.* Другаго опредѣленія тутъ быть не можетъ. Вы говорите: но въ такомъ случаѣ нѣсколько лицъ могли бы рѣшать дѣло всего общества. Да предоставьте это самому обществу, дайте ему больше простору. Повѣрьте, ужъ оно само позаботится, чтобъ нѣсколько человекъ не рѣшали за него его дѣла. Хорошъ міръ, когда не самъ себя признаётъ и опредѣляетъ! Предоставьте что нибудь человеку самому. Вѣдь вы не со скотами имѣете дѣло, а напротивъ, съ народомъ, который въ общественномъ дѣлѣ смыслить гораздо побольше васъ, членовъ благороднаго дворянскаго собранія съ правомъ голоса и шара на знаменитыхъ дворянскихъ выборахъ. Пожалуй, Перовскій дошелъ же до того въ образцовыхъ селахъ, что даже разставилъ въ избѣ крестьянина всю его утварь, такъ что ведро должно было стоять на этой,

*) Безсмысліе.

а ухватъ на той сторонѣ. За несоблюденіе благодѣтельнаго порядка — палка *).

Но далѣе. Посягнувши на самостоятельность самаго міра, вы посягаете на самостоятельность его рѣшенія. Вы осмѣливаетесь опредѣлять ему, что такое есть его собственное рѣшеніе, осмѣливаетесь наступить на то начало, которое составляетъ самую основную его силу, тайну его жизни, именно: единогласіе. Вы вводите въ *большинство* ту дикую, матеріальную силу, которая большею частью изъ чувства рабскаго подобоострастія передъ Европою не признается нами за такую, большинство, столь противное духу Русской земли. Запустивъ руку упрямо въ душу Русскаго человѣка, вы идете еще далѣе. Вы говорите, что на мірской сходкѣ первое лице староста. *Когда міръ собранъ, то первое лице здѣсь одно: міръ, а другаго нѣтъ, и быть не можетъ.* Какой тутъ староста на міру! Міръ разошелся, староста опять явился. Хорошъ міръ, на которомъ есть начальникъ или, по крайней мѣрѣ, первое лице и распорядитель! Вы говорите: первое мѣсто на сходкахъ и охраненіе на нихъ должнаго порядка принадлежитъ старостѣ. И такъ староста будетъ распоряжаться совѣщаніемъ. Широкое поприще открывается старостѣ чрезъ *охраненіе должнаго порядка*. Мало ли что можетъ показаться ему нарушеніемъ порядка? Міръ подъ предсѣдательствомъ, подъ руководствомъ старосты жалкій міръ! И даже въ случаѣ равенства голосовъ, на чьей половинѣ голосъ старосты, та и права. Чтоже это за міръ? Да, такого рода міръ можно найти въ любомъ клубѣ, и въ Англійскомъ, и въ Дворянскомъ. И все это извращеніе міра, все это нравственное общественное обезображеніе дѣлается вѣдь насильственно. Не та же ли это Петрова палка, за которую взяли въ свою очередь и вы? Это гораздо похуже насильственнаго бритья бороды, къ которому былъ такъ пристрастенъ августѣйшій цирюльникъ отечества.

Такимъ образомъ вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, вы убиваете нашу Русскую свободу, нашу общину, нашъ *міръ*, обращая его въ какое-то жалкое подобіе дворянскихъ выборовъ. Я уже не говорю о вашей попечительной заботливости, чтобы крестьяне

*) Примѣнялась ли палка въ такъ называемыхъ Пріютахъ императрицы Маріи Федоровны Первой (въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ), у которой даже были чертежи размѣщенія въ избѣ принадлежностей домохозяйства. Это было подражаніе порядкамъ, которые завелъ Аракчеевъ въ Грузинѣ, куда государыня собиралась ѣхать; но фрейлины ея стали передъ нею на колѣни съ мольбою не пускаться въ унижительную поѣздку (слышано отъ княгини Хилковой). Въ одномъ изъ пріютовъ произошелъ бунтъ. П. Б.

въ нетрезвомъ видѣ на сходъ не допускались. Предоставьте самому міру, кого допускать, кого не допускать; у него на это есть свои основанія, есть свой твердый обычай. Онъ допустить и не допустить кого хочетъ: инаго пьянаго онъ прогонить, а инаго пьянаго, который скажетъ дѣло, выслушаетъ. Какая надобность тутъ еще соваться? И стоило ли бы, кажется, и говорить объ этомъ? Нѣтъ, элементъ полицейской благопристойности такъ силенъ, видно, въ администраторахъ, что они никакъ не могли при сей вѣрной оказіи не проявить его.

Вы скажете: „но какъ однакоже узнать, что это рѣшилъ точно міръ, и что онъ именно такъ рѣшилъ?“ Спрашивается: кому нужно узнать? Если самому міру, такъ онъ всего короче это узнаетъ; или лучше, ему и узнавать нечего, онъ ли рѣшилъ, или нѣтъ, и какъ рѣшилъ? А если правительству нужно узнать, *по тѣмъ только дѣламъ*, разумѣется, *въ которыхъ съ правительствомъ соприкасается крестьянство* (напр. кого отдать въ рекруты), для этого довольно выборныхъ отъ крестьянъ, которые и завѣрятъ, что это рѣшеніе міра. Если же (чего быть не можетъ) кто нибудь изъ крестьянъ назвался выборнымъ или сообщилъ бы небывалое рѣшеніе міра, то потомъ пришлось бы этому крестьянину сильно поплатиться передъ міромъ. Но это случай просто невозможный. Впрочемъ для бѣльшаго удовлетворенія или для того, чтобъ имѣть у себя документъ, правительство можетъ получить грамоту отъ міра за руками: вотъ все, чего можетъ оно хотѣть, но не болѣе.

Это дѣлалось и въ старину: въ такихъ грамотахъ встрѣчается и формула: „во всѣхъ крестьянъ мѣсто, по ихъ велѣнью, такой-то руку приложилъ“. Грамоты за руками встрѣчаются въ древней Руси во многихъ случаяхъ: наприм., при выборѣ въ цѣловальники, въ старосты и въ цари. Да и чего вы боитесь? Что кто нибудь пригнется міромъ? Успокойтесь. Давно стоитъ міръ; у насъ бывали самозванные цари, а самозванца-міра не бывало. Когда оставляетъ васъ духъ Русскаго народа, тогда васъ оставляетъ и языкъ его. Чтѣ за смыслъ въ выраженіяхъ: *Мірской сходъ*, *Волостной сходъ*? Почему *міръ* есть только сельское явленіе? Нѣтъ, изъ вашихъ словъ видно, что вы этого сказать не хотѣли. Какая путаница въ понятіяхъ происходитъ при такомъ употребленіи словъ! Вдругъ міръ будетъ только въ селѣ, а въ волости міра не будетъ. Развѣ Божій міръ значить только село? Ужъ говорили бы вы: *великій сходъ*, *волостной сходъ*. По понятіямъ Русскаго духа и языка, міръ можетъ быть и губернія, и волость, и деревня. Міръ есть собраніе народное большей или меньшей мѣстности; міръ есть

народъ, какъ одно мыслящее, говорящее и дѣйствующее цѣлое. Царь Алексѣй Михайловичъ, вѣзжая въ Москву, *весь міръ* спрашивалъ о здоровьи. Говоря о совѣщаніи всенародномъ, бывшемъ о царѣ Василии, Гермогенъ выражается: *весь міръ*. А по вашему не такъ: по вашему ужъ это былъ бы не міръ, а *городской сходъ*.

Больно и отвратительно было мнѣ читать 5 № доклада административной комиссіи. И добро бы это были все Петербуржцы или Западники, а то тутъ вся. Я думалъ, что вы Русскій и что вамъ, хоть сколько нибудь близокъ Русскій народъ. Къ чему же было все дѣло наше, все изученіе Русскихъ началъ, быта древней Руси, крестьянскаго устройства *)? Неужели плодъ всего этаго—нѣсколько пустыхъ фразъ о самоуправленіи общественномъ, о возможно-большемъ устраненіи вліянія администраціи на мірскія дѣла, *пустыхъ* фразъ, повторяю, ибо тутъ же дѣлается совсѣмъ другое.

Вы подняли руку на народъ. У васъ дѣло, худое дѣло! Вы посягнули на душу народа: это уже настоящее душеубійство. Остается угѣшаться тѣмъ, что не всегда же будетъ Русская Исторія сочиняться въ Петербургѣ и что вамъ, господа, совершить душеубійства надъ Русскимъ народомъ на дѣлѣ не удастся.

Васъ не смутитъ мое письмо, чтѣ васъ смутитъ?! Но задумайтесь, хоть на одну минуту. Припомните: Жиды, распиная Христа, не смущались тѣмъ, чтѣ ихъ ожидаетъ, и конечно не думали, что стануть они живымъ позоромъ между людьми, и имя ихъ обратится въ брань. Вы распинаете теперь Русскій народъ и не думаете конечно, что имена ваши станугъ браннымъ словомъ, что поношеніе ляжетъ на память вашу.

Въ моемъ письмѣ секретовъ нѣтъ; можете показать мое письма вашимъ товарищамъ и кому угодно.

К. Аксаковъ.

*) См. превосходныя статьи князя Черкаскаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1880 (III, 30) и 1882 (I, 5). „Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи до отмены Юрьева дня“ и „Юрьевъ день. О подвижности народнаго населенія въ древней Россіи.“ Въ томъ же 1859 году и Хомяковъ написалъ свою записку о раскрыщеніи и послалъ ее Я. И. Ростовцеву; но запискѣ этой не дано было ходу, и самое обнародованіе ея состоялось лишь черезъ много лѣтъ, благодаря цензурѣ его пріятелей. И. С. Аксаковъ, въ письмѣ о томъ же предметѣ къ Е. И. Елагиной, выражался, что изъ Петербурга онъ не ждетъ добра. Неоднократно слышали мы отъ князя Черкаскаго, что надобно радоваться тому, что дѣло, какъ ни на есть, совершалось, ибо при колеблемости сверху оно могло совсѣмъ не состояться либо затормозиться на многіе годы. Въ день 19 Февраля 1861 года, въ Петербургѣ всѣ казармы были заперты, и раннимъ утромъ монахи изъ Дивѣевской обители съ иконою и молитвою ходили вокругъ Зимняго дворца. П. Б.